

УДК 94(470.62)
ББК 63.3(235.7)61
А 74

Ю.Д. Анчабадзе,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник института этнологии и антропологии РАН, г. Москва, тел. 8 985 117 09 85, E-mail: anchabadze@list.ru

**Сельский сход в системе властных отношений
в постреволюционном адыгском ауле (1920-е гг.)
(Рецензирована)**

Аннотация. Традиционный сельский сход продолжал играть важную роль в системе организации власти в адыгском ауле в 1920-х гг. Он оставался главной властной инстанцией при разрешении многих коллизий локальной сельской жизни, занимался наиболее животрепещущими вопросами, лично волновавшими каждого сельчанина. В массовом сознании решения схода были более «легитимны», чем постановления сельского совета. Большевики стремились контролировать деятельность схода, а с укреплением в стране тоталитарного режима значение схода было нивелировано.

Ключевые слова: адыги, сельский сход, аул, власть, традиции, народное сознание.

Yu.D. Anchabadze,

Candidate of Historical Sciences, Leading Scientist of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, ph. 8 985 117 09 85, E-mail: anchabadze@list.ru

Rural gathering in system of imperious relations in the Adyghe post-revolutionary aul (1920s)

Abstract. A traditional rural gathering continued to play an important role in system of the power organization in the Adyghe aul in the 1920s. It remained the main imperious instance which settled many collisions of local rural life and solved the most burning questions exciting each peasant. In mass consciousness, the decisions of the rural gathering were more legitimate than those of the Rural Council. Bolsheviks aspired to supervise the gathering activity, but with strengthening a totalitarian regime in the country the value of the gathering has been leveled.

Keywords: the Adyghe, a rural gathering, an aul, the power, traditions, national consciousness.

В системе низового административного управления, учреждённой большевиками после прихода к власти, основная роль стала принадлежать сельским советам, которые отныне должны были стать единственной властной инстанцией на местах, проводником директивных распоряжений вышестоящих партийных и государственных органов. Однако в ряде регионов Северного Кавказа, в том числе у адыгских народов (кабардинцы и адыгейцы), единственным органом власти советам удалось стать не сразу. Даже спустя десятилетие после революции большевистские пропагандисты вынуждены были признать, что «в подавляющем большинстве случаев аульского совета, как коллективного органа, еще нет», что советы «в большинстве все ещё состоят из председателей и секретарей» и ещё нескольких доверенных лиц, что подлинной, реальной властью советы ещё не стали [1].

Тем не менее, в рамках сложившейся политической системы советы, будучи официальными органами власти и чувствуя за своей спиной мощную поддержку репрессивного аппарата большевистского государства, имели, естественно, неограниченное поле возможностей для доминирующего влияния на жизнь аула, определения основных параметров его социально-экономической жизни, быстрой и оперативной реализации директивных решений вышестоящих органов.

В то же время советы были вынуждены считаться с наличием в ауле еще одного источника власти – традиционного сельского схода, который продолжал сохранять за собой функции реально действующего управленческого института. Всячески пытаясь утвердить советы в качестве главной властной структуры, большевики тем не менее не решились упразднить сход, поэтому вынуждены были терпеть укоренённое обыкновение, когда в каждом кабардинском селе по завершении пятничного намаза перед мечетью собирались практически все местные жители. На этих общественных встречах аульчане обсуждали последние новости, общественную и хозяйственную жизнь села, имевшие место происшествия и события, здесь формировалось общественное мнение, становились очевидными позиции групп жителей или индивидов по тому или иному вопросу. Часто обсуждения проводились в присутствии председателя, членов совета и его секретаря.

С другой стороны, власти были заинтересованы в «общегражданских сходах» жителей села - так теперь официально именовались эти собрания - и порой сами их созывали. Было очевидно, что авторитет схода в селе был гораздо выше, чем авторитет сельсовета. Решение схода, пусть и непопулярное, в общественном сознании жителей села обладало большей «легитимностью», чем постановления совета, не подкрепленные ничем, кроме возможностей их репрессивного проведения в жизнь. Поэтому советы обычно стремились заручиться поддержкой схода по всем мало-мальски важным и ответственным вопросам. Если последние возникали, то председатель сельсовета собирал сход, на котором докладывал односельчанам о ситуации, стремясь заручиться решением, которое было нужно властям. По существу советы перекладывали на сход необходимость принятия того или решения, особенно непопулярного, связанного, например, с материальными расходами, чтобы затем, основываясь на соответствующем протоколе общего собрания жителей села, проводить это решение в жизнь. По существу сход продолжал оставаться главной властной инстанцией в разрешении многих коллизий локальной сельской жизни. Именно сход, а не совет занимался наиболее животрепещущими вопросами, лично волновавшими каждого сельчанина.

С другой стороны, большевики часто использовали сход для пропаганды своих идей. В этом случае сход больше напоминал обыкновенный советский митинг, на котором провозглашались революционные лозунги, а жителей звали на борьбу за «дело пролетариата», за «советскую власть для бедных» или же на субботник, или же стыдили за невыполнение развёрстки, неуплату налога и других распоряжений советской власти и т.п.

Впрочем, такие сходы не вызывали большого интереса со стороны сельчан, которые зачастую всеми силами старались избежать участия в обсуждениях «большевистских» вопросов. Так, 15 октября 1920 г. председатель Тамбиевского сельского народного совета жаловался комиссару 1 участка Нальчикского округа на жителей вверенного ему аула. Как оказалось, председатель созвал сход, на обсуждение которого им были поставлены следующие вопросы: по подразвёрстке, по доставке в военный комиссариат 10 всадников, об избрании делегатов на окружную и областную беспартийные конференции. Однако, писал тамбиевский председатель, «на таковых сходах общество не собирается. Мною были приняты меры, которые остались без результатов» [2] .

В то же время по вековой традиции аульчане немедленно спешили на общинный сход, в случае, если возникала необходимость обсудить и решить какой-либо действительно животрепещущий вопрос местной жизни. Как и до революции, крестьян больше всего волновали земельно-хозяйственные проблемы. Материалы свидетельствуют, что все вопросы, связанные с землёй, обсуждал и решал не совет, а только сход. Так, собравшись 27 июля 1921 г. на сход «в количестве 262 дворов и 1324 душ обоего пола» жители Инароковского квартала селения Верхне-Курпское, обсудили вопрос о переселении из родных мест, в виду того, что оказались в тяжелейшем положении из-за отсутствия воды «как для питья, так и для водопоя». В составленном документе отмечается, что «из-за отсутствия воды приходится ездить за питьевой водой в казённый лес, который расположен от селения на расстоянии 8-10 вёрст, а скот свой приходится гнать на водопой на речку Акбаш 15 вёрст. И таким образом, - констатировали инароковцы, - целый рабочий день приходится тратить на привоз воды, а для полевых работ у нас даже часу не остаётся». Сход постановил «ходатайствовать перед теми организациями, от коих это зависит, о нашем переселении» [3].

Схожую проблему в конце лета 1924 г. обсуждал сход в селе Шалушка. Эмоционально выступавшие сельчане указывали, что «в протянувшемся на три с лишним версты селении пашни отстоят от него самое близкое на две версты». Было принято решение о выселении желающих на новое место. Сразу же нашлось 140 домохозяйств - добровольцев, которые путем переселения надеялись улучшить свое хозяйственное положение [4].

Сход пытался сохранить свою властную автономность и по другим направлениям. Газета "Карахалк" рассказала о характерном случае, произошедшем в одном неназванном селении. С участием присланного из окружного центра землемера, олицетворявшем в данном случае высшую власть, в селе были определены новые площади под раскорчевку. Однако после отъезда нальчикского гостя "был устроен сход, на котором перерешили вопрос о раскорчевке" [5]. В Адыгее властей раздражал своим своеволием сельский сход в а. Блечепсин, который постоянно принимал решения противоположные тому, на что рассчитывали в Майкопе. Эту ситуацию власти объясняли, как обычно, происками «классового врага»: основная масса блечепсинцев голосует неправильно «из чувства боязни пойти открыто против кулака, эфенди, почетного старика» [6].

В подобных ситуациях советы оставались безмолвными свидетелями и регистраторами состоявшихся приговоров. Выражая крайнее неудовольствие таким положением вещей, журнал «Революция и горец» был вынужден отметить, что советы «являются лишь техническими исполнителями решений сходов» [7].

В первое постреволюционное десятилетие в адыгских аулах продолжала сохраняться традиция избирать уполномоченных, или, как они назывались на языке того времени - «доверенных» лиц для решения каких-либо конкретных вопросов, особенно если последние, с одной стороны, затрагивали жизненно важные нужды и интересы крестьян, а с другой, - заведомо являлись сложными и трудноразрешимыми в предстоящем диалоге с властными инстанциями. Подобных доверенных лиц избирали не только на сходах. Так, в уже упоминавшемся решении схода селения Верхне-Курпское от 27 июля 1921 г., в котором поднимался вопрос о возможности переселения части жителей на другое место, был специальный пункт, по которому уполномоченными для ведения переговоров с властями были избраны несколько жителей Инароковского квартала во главе с неким Хадутуловым, который, надо полагать, пользовался уважением и полным доверием своих сообщинников [8]. Доверенных выбирали и по другим сложным и деликатным вопросам, по которым было

трудно находить взаимопонимание с властью. Так, 31 октября 1920 г. жители Шалушки избрали доверенных, которым был выдан на руки приговор общества с поручением отправиться в Нальчик к начальству с сообщением, что они «ручаются всем обществом в невиновности Юсуфа Шарданова против советской власти» [9].

Крестьянские сходы демонстрировали немало примеров самоотверженной защиты интересов своих сочленов перед лицом укрепившейся репрессивной власти. Так, жители селения Куба предприняли попытку начать дело по возвращению на родину своих «односельцев», которых гражданская война раскидала по далёким краям. Собравшись 17 июня 1921 г. на сход, кубинцы («принадлежащие к лагерю трудового народа», как сказано в протоколе) обсуждали вопрос о Паташи Мальбахове, Хазизе Пшенокове и Алхасе Машезове, «которые в 1919 г. насильственным путём были мобилизованы для борьбы против РСФСР военными властями буржуазного генерал-лейтенанта Деникина». Дальнейшая судьба бывших жителей Кубы была неординарна. Оказавшись в Крыму, они, спасаясь от наступавших большевиков, переехали в Турцию. Сход настаивал на том, что «Мальбахов, Пшеноков, Машезов не имеют решительно никаких видов, которые могли бы обвинить их в принадлежности к лагерю буржуазной аристократии». Наоборот, они «принадлежат к лагерю трудового элемента и имеют на своих руках такие же мозоли, как и мы, нажитые упорным физическим трудом... Мы в Мальбахове, Пшенокове, Машезове не признаём своих противников, старающихся сделать побольше вреда трудовому слою и пользы буржуазному элементу, и зовём их из далёкой чужбины Турции в родное своё село для поступления в наши ряды и принятия совместной с нами борьбы против нашей государственной и экономической разрухи». Копия постановления сельского схода была выдана на руки родным Мальбахова, Пшенокова и Машезова, «которые имеют право на полюсе земного шара отыскивать своих родственников, можно сказать, похищенных империалистами для защиты своих интересов, чуждых мировому пролетариату» [10]. Здесь интересна новая политическая риторика, которая, как видно, довольно быстро вошла в привычный лексикон, которым крестьяне умело пользовались для достижения своих целей.

Новая риторика применялась и в противоположных целях. Возбуждая дела о «порочности» того или иного сообщинника, ходатайствуя перед властями о его наказании, наряду с традиционными обвинениями, например, в участии в грабежах, скотокрадстве и т.п., выдвигались новые инвективы, весьма соответствовавшие текущему политическому моменту. Так, в приговоре жителей с. Урух (1927 г.) о Докшуко Эресте сказано, что он является «бывшим белым офицером, жившим ранее за счёт трудового крестьянства». Характеризуя «вора» Жантемира Мамхегова в с. Аргудан отметили, что он «скрывался в банде белых в 1921 г.». По мнению жителей с. Старый Лескен, которое, судя по протоколу, было высказано на общем собрании, Хатажуко Калибатов был «всегда способен отнять у честного гражданина имущество, скот и даже жизнь», а Безруко Калибатов, вероятно брат предыдущего, «всегда готов обидеть честного трудовика - крестьянина» [11].

Как было сказано, легализацию различного рода поборов, которые налагались на крестьянство, советская власть стремилась получить именно на сходе. Так, во время общественного схода в с. Псыгансу по предложению секретаря комячейки был произведен сбор пожертвований «на воздушный флот и в пользу пострадавших от землетрясения в Персии» [12]. Общий сход в Лечинкае также решил оказать интернациональную помощь - на этот раз пострадавшим от землетрясения в Японии. При этом «решили разделить селение на пять групп в порядке зажиточности крестьян» [13]. Не забыли о пострадавших в Японии и в с. Нартан, где им в помощь решили внести "по состоянию каждого 220 руб. золотом [14]. На общем собрании

граждан аула Адабий Краснодарского отдела по «собственной инициативе» была собрана денежная сумма в пользу раненых и больных красноармейцев. Рассказавшая об этом случае газета «Красное знамя» считает, что это является свидетельством того, что «граждане горцы проникнуты братским добрым чувством к доблестной Красной Армии и чутки к ее нуждам» [15]. Возможно. Однако более правдоподобно, что чуткость была всё же "подказана" сверху.

В пору борьбы с голодом в начале 1920-х гг. большевики решили сосредоточить благотворительные исламские взносы, по традиции делавшиеся населением, в своих руках, для чего было решено передавать их не местным эфенди, как это было раньше, а в Комитеты крестьянской взаимопомощи (ККВ). Эту операцию удалось осуществить только после соответствующего давления, когда сельские сходы вынужденно принимали соответствующие решения.

Временами, прикрываясь авторитетом схода, крестьяне пытались отбиваться от навязчивых и все возраставших денежных поборов, которыми власть норовила обложить подвластное население. Характерный случай произошёл в селении Нартан, где на сходе обсуждался вопрос о необходимости выполнения обложения населения на нужды школы. Между тем председатель выступил против этого обложения, приводя вполне резонные доводы (газета назвала их агитацией). «Наше селение, «агитировал» председатель, пострадало от неурожая, не имеем кукурузы, не имеем сена, мы бедны и не можем помочь школе». Закрывать школу не нужно, так предлагал в заключении председатель, но «помогать существовать ей не будем, потому что не можем». Корреспонденция заканчивается заключением: «Конечно, сельчане радостно согласились с председателем» [16]. Это "конечно" показывает, всю меру ненависти и презрения большевиков к крестьянской массе, к тому времени еще окончательно не сломленной и не придавленной к ногтю.

Вполне понятно, что власти всегда пытались контролировать сходы. При обсуждении особо важных для окружных инстанций вопросов, на сходах присутствовали их представители. Протоколы по наиболее интересовавшим властей решениям необходимо было представлять для сведения в областные органы. В дальнейшем по мере укрепления режима, сходы все более попадали в зависимость от партийно-советских органов, и последним уже ничего не стоило провести через сход любое нужное центру решение. Так, в пору решительного наступления властей на ислам в конце 1920-х – начале 1930-х гг., массовые закрытия мечетей производились лишь после того, как у сходов удавалось «вырвать» соответствующие решения. К этому же времени сход как орган местного самоуправления полностью потерял своё значение.

Примечания:

1. Нагиев Дж. Задача коренизации советского аппарата в национальных областях Северокавказского края // Революция и горец. 1929. № 1-2. С. 32.
2. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 14. Т. 3. Л. 720.
3. ЦГА КБР. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.
4. Кабардино-Балкарская правда (Карахалк). 1925. № 496.
5. Вопросы землеустройства в области // Кабардино-Балкарская правда (Карахалк). 1925. № 524.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2271. Л. 34.
7. Нагиев Дж. Указ. соч. С. 32.
8. ЦГА КБР. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 2. Л. 27.

9. Там же. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 14. Д. 3. Л. 663.
10. Там же. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 984.
11. Там же. Ф. Р-376. Оп. 1. Д. 7. Т. 1. Лл. 5, 6, 10.
12. Посильная помощь // Красная Кабарда. 1923. № 295.
13. На общем сходе // Красная Кабарда. 1923. № 306.
14. Что сказал сход // Красная Кабарда. 1923. № 308.
15. Горцы – Красной Армии // Красное знамя. 1921. 30 июня.
16. Школу закроем, но помочь не поможем // Красная Кабарда. 1922. № 32.

References:

1. Nagiev Dzh. The problem of the Soviet apparat implanting in national areas of the North Caucasian territory // Revolution and a mountain dweller. 1929. № 1-2. P. 32.
2. The Central State Archives of the Kabardian-Balkar Republic (TSGA KBR). F. R-201. Op. 1. D. 14. V. 3. L. 720.
3. TSGA KBR. F. R-69. Op. 1. D. 2. L. 27.
4. The Kabardian-Balkar Pravda (Karakhalk). 1925. № 496.
5. Land management problems in the area // The Kabardian-Balkar Pravda (Karakhalk). 1925. № 524.
6. The Russian State Archives of sociopolitical history. F. 17. Op. 21. D. 2271. L. 34.
7. Nagiev Dzh. Mentioned work. P. 32.
8. TSGA KBR. F. R-69. Op. 1. D. 2. L. 27.
9. Ibidem. F. R-201. Op. 1. D. 14. Д. 3. L. 663.
10. Ibidem. F. Р-376. Op. 1. D. 6. V. 1. L. 984.
11. Ibidem. F. R-376. Op. 1. D. 7. V. 1. Ll. 5, 6, 10.
12. The feasible help // The Red Kabarda. 1923. № 295.
13. At the general gathering // The Red Kabarda. 1923. № 306.
14. What the gathering decided // The Red Kabarda. 1923. № 308.
15. The mountain dwellers of the Red Army // The Red Banner. 1921. June, 30.
16. We will close the school, but we won't be able to help // The Red Kabarda. 1922. № 32.